

Чрезвычайно важно, чтобы все советские историки, работающие в области древней истории, и все советские археологи в кратчайший срок сделали необходимые для себя выводы, учтя прежде всего то обстоятельство, что без научной критики и самокритики, без свободной борьбы мнений нет и не может быть развития науки.

Решающей силой здесь должен стать «Вестник древней истории», который может и должен организовать ряд широких дискуссий в печати по актуальным проблемам древней истории. В «Вестнике древней истории» чаще и своевременнее должны помещаться острые критические статьи и рецензии, живо реагирующие на новинки советской исторической науки. Редколлегия «Вестника древней истории» должна организовать широкую читательскую конференцию, которая, несомненно, укажет более полно и всесторонне на недостатки работы журнала, наметит новые пути и конкретные мероприятия, направленные на пользу дела. Следует смелее и упорнее бороться за развитие подлинной большевистской критики, критики острой, непримиримой, принципиальной и творческой. Такая критика весьма полезна: она по-настоящему помогает ученым и содействует развитию советской исторической науки.

Н. В. Шафранская

К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ ОЛЬВИИ В III в.

Со времени первого опубликования ольвийский декрет в честь Протогена привлек к себе внимание исследователей исключительным богатством своего содержания. Подробный перечень услуг, оказанных чествуемому ольвийским гражданином своему городу, осветил один из темных периодов в жизни Ольвии, история которой, как известно, нашла лишь слабое отражение в античной литературной традиции.

Именно с этой точки зрения подошел к декрету В. В. Латышев — автор единственной монографии, посвященной истории и государственному строю Ольвии¹. На основании тщательного анализа текста надписи В. В. Латышев пришел к выводу, что в III в., которым он датирует декрет, Ольвия переживала острый кризис; главную и единственную причину этого кризиса В. В. Латышев видел в изменении взаимоотношений греческого города с окружающей его местной средой. В. В. Латышев проводит резкую грань между отношениями, существовавшими у Ольвии с местным населением во времена Геродота, и теми отношениями, которые сложились во времена Протогена. В V в. до н. э. царил мир, дружба, и даже целое племя каллипидов возникло в результате смешанных браков (ук. соч., стр. 44), в III в. — вражда, война, поборы, о которых свидетельствует декрет Протогена. Причину этой перемены В. В. Латышев видит в изменении этнического состава местного населения: дружественные Ольвии скифы слабеют под ударами воинственных народов, кочевавших по степи между Днепром и Днестром. Новые соседи не дорожат Ольвией как выгодным торжищем и не попадают под обаяние эллинской культуры — их интересует только добыча. Ольвии приходится напрягать все силы, чтобы отстоять свое право на существование силой оружия, либо откупиться дарами (ук. соч., стр. 93 сл.).

Эта точка зрения, высказанная В. В. Латышевым в 1887 г., в основном может считаться общепринятой и в настоящее время как в нашей советской историографии², так и в зарубежной³. Все признают, что положение

¹ В. В. Латышев, Исследования об истории и государственном строю города Ольвии, СПб., 1887.

² Б. В. Фармаковский, Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г., ИАК, вып. VIII, стр. 59; А. Н. Зограф, Античные монеты, М., 1951, стр. 129 и 136.; В. Д. Блаватский, Искусство Северного Причерноморья античной эпохи, М., 1947, стр. 43; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, 1949, стр. 534—535; Т. В. Блаватская, Греки и скифы в Западном Причерноморье, ВДИ, 1948, № 1, стр. 211.

³ E. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913. Работа Миннса, как

любого из северочерноморских городов обуславливалось в первую очередь его взаимоотношениями с местным населением. В. В. Латышев дает прекрасное определение взаимоотношений ольвиополитов с соседними скифскими племенами в период основания колоний (ук. соч., стр. 14—15). Он подчеркивает, что самый факт не только процветания, но и существования греческих поселений в окружении значительно их превосходящих по численности местных племен доказывает наличие взаимной заинтересованности. Экономическое благополучие греческой колонии складывается только на основе тесного взаимодействия с местным населением, определяющим и рынок сырья и рынок сбыта. В советской науке это положение получило дальнейшее развитие и обоснование¹. Однако приводимые ниже материалы заставляют считать это положение недостаточным и односторонним.

Концепция ольвийской истории, созданная В. В. Латышевым, нуждается в пересмотре в свете новых данных. Прежде всего, можно ли так безоговорочно, как это делает В. В. Латышев, констатировать чисто хозяйственный характер кризиса Ольвии в III в. до н. э.?

В то время, когда В. В. Латышев делал свои выводы об ольвийском кризисе, он был еще лишен возможности опереться на данные археологии. Как известно, планомерные раскопки города начались только в 1901 г., когда к этой работе приступил Б. В. Фармаковский. Уже в начале XX века археологический материал заставил внести некоторые коррективы в картину ольвийского кризиса, нарисованную Латышевым. Впервые эта нота прозвучала в работах Э. Штерна.

Публикуя ольвийские археологические находки, Штерн неоднократно указывает на широту ольвийских торговых связей в III в. до н. э.² А в 1909 г. он уже прямо говорит о том, что в III в. материальный уровень жизни в Ольвии стоял еще высоко, несмотря на усилившийся напор соседних племен³.

Следующее слово в этом вопросе было сказано советскими археологами. Т. Н. Книпович, Л. М. Славин, Е. И. Леви, А. Н. Карасев—собственно все те, кто в течение ряда лет проводили раскопки на ольвийском городище, не могли не обратить внимания на то, что археологическая картина жизни Ольвии в III в. не подтверждает мнения В. В. Латышева, рассматривавшего этот период как период острого экономического кризиса. На основании археологического материала Ольвия III в. до н. э. встает перед нами как город, живущий напряженной деловой жизнью. Расши-

известно, представляет собой компилятивную сводку результатов исследований русских ученых в области археологии и эпиграфики Северного Причерноморья; в вопросе об ольвийском кризисе во времена Протогена Мипиз полностью повторяет В. В. Латышева. Ср. Max E b e r t, *Südrussland im Altertum*, 1926, стр. 224 сл.; M. R o s t o v z e f f, *The Bosporian Kingdom*, САН, VIII, стр. 511 сл. и RE, s. v. Olbia.

¹ А. А. Иессен, *Греческая колонизация Северного Причерноморья*, Л., 1947; Д. П. Каллистов, *Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи*, Л., 1949; В. Ф. Гайдукевич, *Боспорское царство*, М.—Л., 1949, стр. 40 сл.; Т. Н. Книпович, *Танаис*, М.—Л., 1949; он же, К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаис в VII—VI вв. до н. э., ИГАИМК, вып. 105 (1934), стр. 90 сл.; М. И. Артамонов, К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов, ВДИ, 1949, № 1, стр. 29.

² Э. Штерн, *Античная глазированная посуда с юга России*, Одесса, 1899; он же, ЗОУ, XXV (1902); он же, Ваза с рельефными украшениями из Ольвии; он же, Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморских колоний, Одесса, 1899, стр. 18 сл.; он же, К вопросу об эллинистической керамике, Одесса, 1910, стр. 18.

³ E. S t e r n, *Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meers im Lichte archäologischer Forschung*, «Klio», IX (1909), 2, стр. 139.

нам в городах, которые, очевидно, были связаны с Ольвией торговыми интересами. В качестве примера можно привести делосский декрет о проксении, данный ольвийскому гражданину Посидею около 180 г. до н. э.¹, или ольвийский декрет в честь некоего Еланика Родосца, датируемый по характеру письма III—II вв. (IOSPE, I², 30). Надпись сильно фрагментирована, но самый факт существования подобного декрета вполне гармонирует с обилием родосских амфорных клейм в культурных слоях эллинистической Ольвии. О связях с Родосом говорит и фрагмент надгробной стелы, посвященный какой-то жительнице Ольвии, найденный на о. Родосе (Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 289). В этой же связи представляет интерес дельфийский декрет о даровании проксении представителям 15 припонтийских городов, в том числе Ольвии. На основании упомянутого в надписи Главкона Китнейца, который был феором около 280 г., Б. Н. Граков (ук. соч., стр. 247) точно датирует надпись 263—260 гг. до н. э. О том, что Ольвия была важным торговым пунктом для западных причерноморских городов, также говорит ряд надписей. Так, мы имеем, например, декрет жителей Том в честь тиранца Нила. В декрете констатируются торговые связи между Томами, Тирой и Ольвией. По характеру письма Б. Н. Граков (ук. соч., стр. 311) датирует надпись II в. до н. э. О связях с Месембрией говорит надгробная надпись Сатира, сына Дионисия Месембрийца, погребенного в Ольвии в III в. до н. э. (IOSPE, I², 688). Известен также ольвийский декрет о проксении, данной гражданину г. Каллатия—Навтому за оказание услуг приезжающим в Каллатий ольвиополитам (IOSPE, I², 27). К III в. относится и фрагмент почетного декрета с о. Коса в честь Посидея Ольвийского (IOSPE, I², 77) и тенеодосский декрет в честь сына Посидея ольвиополита, увенчанного за какие-то услуги тенеодосским гражданам золотым венком и почетного медным изображением (IOSPE, I², 78). Следует подчеркнуть, что аналогичные эпиграфические памятники римской эпохи дают для Ольвии картину явного сужения сферы торговой деятельности, которая в основном замыкается кругом городов, расположенных по берегам Понта Евксинского и Пропонтиды². Исследование ольвийского некрополя также не подтверждает концепции В. В. Латышева об остром кризисе. Инвентарь погребений III в., как нам кажется, не дает картины резких изменений в уровне материальной жизни города³.

Именно III в. до н. э. наиболее богато представлен местными терракотовыми изделиями⁴, местной художественной керамикой⁵, свидетельствующими о развитии своеобразного и яркого ольвийского искусства⁶.

Согласно литературной традиции, Ольвия была родиной известного философа Биона, стоика Сфера и историка Посидония. Из этих трех лиц самым известным и бесспорным ольвиополитом был философ Блон, который жил как раз в III в. до н. э., так что он мог быть современником Протогена. Нельзя не обратить внимания на то, что при общей скудости наших источников для ольвийской хозяйственной и умственной жизни

¹ В. В. Л а т ы ш е в, *Путевод*, стр. 55; ср. Б. Н. Г р а к о в, *Материалы по истории Скифии в греческих надписях*, ВДИ, 1939, № 3, стр. 257 сл.

² IOSPE, I², 40, 41, 79, 174, 204, 223.

³ Б. В. Ф а р м а к о в с к и й, *Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г.*, ИАК, VIII, стр. 35; ср. ОАК, 1900, стр. 11; Э. Ш т е р н, *Могильные находки в Ольвии в 1891 г.*, Одесса, 1906. В работах «Ваза с рельефными украшениями из Ольвии» и «Глазирванная посуда с юга России» Штерн публикует ряд богатых керамических изделий III в., найденных в ольвийском некрополе.

⁴ Л. М. С л а в и н, СА, VII (1941), стр. 304; ср. М. М. Х у д я к, *Терракоты*, в кн. «Ольвия», стр. 85 сл.

⁵ Т. Н. К н и п о в и ч, *Из истории художественной керамики*, СА, VII, стр. 140.

⁶ В. Д. Б л а в а т с к и й, *Искусство Северного Причерноморья*, стр. 84, 86, 88.

в III в. до н. э. те данные, которыми мы располагаем, связаны каким-то внутренним единством. Можно уловить известную гармонию в появлении новых кварталов, обилии привозной керамики, широте торговых связей, развитии местного керамического производства и искусства и в появлении в это же время единственного крупного ольвийского философа.

Нельзя сделать окончательный вывод на основании в значительной мере разрозненного материала, однако одно положение кажется все же совершенно бесспорным: археологический материал не дает указаний на острый кризис в III в. Правда, характеризую монетное дело в Ольвии в III в. н. э., Зограф отмечает, что переход Ольвии к применению денежной системы только двух металлов (золота и меди) указывает на стесненное положение города¹. Однако такое положение, по его же утверждению, было вообще характерно для греческих полисов в III в.² В большинстве греческих полисов в это время главную роль играет международная золотая монета — центр тяжести деловых операций перемещается на широкий внешний рынок.

Как же сопоставить возникшую перед нами картину оживленной экономической и культурной жизни Ольвии с декретом в честь Протогена? Быть может, следует, основываясь на изложенных выше данных, поставить вопрос о пересмотре латышевской датировки декрета в сторону ее снижения? Эта проблема, как известно, привлекла внимание многих исследователей и до В. В. Латышева³ и после него⁴. Текст надписи не дает прямых указаний на время ее написания. Где и при каких обстоятельствах найдена надпись — неизвестно. Приходилось искать датирующих указаний в тщательном изучении палеографических и стилистических особенностей текста, в историческом анализе встречающихся в декрете этнических терминов, в сопоставлении декрета с другими эпиграфическими текстами и данными нумизматики. Однако даже такие авторитетные эпиграфисты, как Латышев, Диттенбергер, Бек и др., вынуждены были признать, что общий характер письма и начертание отдельных букв в декрете Протогена не позволяют точно определить дату его написания. Так, например, Бек и Диттенбергер склонны были, на основании некоторых букв — особенно серповидной сигмы и своеобразной омеги, — отнести декрет ко II в. до н. э. Но В. В. Латышев, основываясь на надписях Северного Причерноморья, убедительно доказал, что серповидная сигма и оригинальная омега декрета в честь Протогена употребляются в некоторых ольвийских и пантикапейских документах наряду с буквами, относящимися бесспорно к IV в. до н. э., да и в самой Аттике серповидная сигма неоднократно встречается в документах IV в.⁵ Таким образом, палеографический анализ декрета позволял с равной убедительностью датировать надпись III и II вв. до н. э. К таким же собственно результатам привела попытка установить время написания декрета на основании

¹ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, М., 1951, стр. 129 и 131 сл.

² А. Н. Зограф, *Античные монеты*, стр. 129 сл. и стр. 177; ср. G. Seltman, *Greek coins*, 1933, стр. 206 сл.

³ Историю вопроса см. у В. В. Латышева, *ук. соч.*, стр. 66 сл.

⁴ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, М., 1951, стр. 130, Ф. Браун, *Разыскания в области гето-славянских отношений*, СПб., 1899, стр. 402 сл.; Ф. Слюсаренко, *Греко-скитские взаимовідносини II стор.*, п. X, Прага, 1925; SIG, I², стр. 226; E. Minns, *Scythians and Greeks*, Cambridge, 1913, стр. 462 сл.; М. И. Ростовцев, в «Gnomon», VI (1930), 12, стр. 625 сл. и X (1934), 1, стр. 2 сл.; C. Patzsch, *Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa*, Wien—Lpz., 1929, стр. 85.

⁵ В. В. Латышев, *ук. соч.*, стр. 83. Мнение Латышева может быть подтверждено хотя бы текстом декрета о проксении (IOSPE, 12, 22), датированным IV в. до н. э. и содержащим совершенно такую же сигму, как в декрете в честь Протогена.

исторического анализа его содержания. В. В. Латышев (ук. соч., стр. 69 сл.) пошел по линии использования указания о галатах и сопоставления декрета в честь Протогена с другим ольвийским эпиграфическим материалом. Этот путь привел его к датировке декрета III в. до н. э. (от 279 до 213 г.). Однако сам исследователь вынужден был признать гипотетичность своего построения (ук. соч., стр. 86). Диттенбергер, Минц и ряд других исследователей, используя тот же анализ термина Γαλάται и те же эпиграфические документы, приходят к датировке декрета II в. Отсюда напрашивается печальный вывод — при современном состоянии источников датировка декрета остается в пределах III—II в. до н. э. Археологические данные говорят скорее в пользу датировки декрета III в. или во всяком случае концом III¹.

Так обстоит дело с первым положением В. В. Латышева. Перейдем ко второму его положению. Соглашаясь с тем, что характер взаимоотношений с туземным населением являлся весьма важным фактором в жизни Ольвии, нельзя, однако, не поставить В. В. Латышеву в упрек, что, выдвинув свое второе положение, он его в сущности не развил. Почему, в самом деле, так резко изменились взаимоотношения Ольвии с окружающей средой? В. В. Латышев отвечает на этот вопрос общей ссылкой на то, что в III в. скифов сменяют воинственные кочевники, сарматы, в результате чего гибнет и ольвийское благополучие. Эта мысль в дальнейшем была подхвачена рядом ученых. Однако проблема этнических изменений в Причерноморье в III в. настолько сложна, что и сейчас еще она очень далека от своего окончательного решения. При современном состоянии источников мы не можем ответить ни на один вопрос, связанный с этой проблемой, с должной полнотой и ясностью. Кто такие сарматы? Откуда они пришли? Как протекал процесс их внедрения в причерноморские степи? Все эти вопросы еще очень далеки от своего разрешения.

Несомненно одно — в среде местного населения Северного Причерноморья на протяжении двух столетий, прошедших со времени посещения Ольвии Геродотом, произошли существенные изменения. Однако было бы неправильно объяснять эти изменения, как это делают большинство буржуазных ученых, одним передвижением племен. Такая трактовка вопроса позволяла реакционным ученым — Ростовцеву, Вернадскому и др., обойти острые вопросы социальной борьбы, определяющей внутреннее содержание античной истории. Для них передвижение племен — универсальное объяснение самых сложных внутренних изменений. А между тем археологические раскопки Приднепровья ясно показывают, что в III в. в степной полосе Днепра возникает ряд крупных земледельческих поселений. М. И. Артамонов считает их появление результатом оседания кочевников. Можно думать, что эти перемены были связаны не столько с этническими изменениями, сколько с процессом классообразования, который в конечном итоге приводит к созданию в Крыму скифского государства Скилура.

К сожалению, В. В. Латышев в своем анализе декрета Протогена почему-то не счит нужным сопоставить его с рядом других документов той же эпохи из городов центральной Греции. Кризис, отразившийся в декрете, рассматривался как явление специфически ольвийское, обусловленное враждебной активизацией соседних народов. Сопоставление декрета в честь Протогена с современными ему почетными декретами Балканской и островной Греции позволяют, как нам кажется, с новой точки зрения подойти к оценке ольвийского кризиса III в. до н. э. Особый интерес в этом отно-

¹ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 535.

нении представляет афинский декрет в честь Евриклида¹. Начало и конец надписи испорчены. Сделанное Келером восстановление первой и второй строки принято Диттенбергером с некоторыми сомнениями, вызванными необычным выражением τῆν τῶν στρατ[ιωτικῶν ἀρχῶν... Против такого восстановления возражает и С. А. Жебелев². Однако и в сохранившейся части декрет настолько интересен, что мы считаем необходимым привести его перевод, придерживаясь текста Диттенбергера.

«...являясь казначеем военной казны...заботу и руководство военными делами через сына и истратил немало денег. И когда был агонифетом, истратил семь талантов, и опять же, сын, позаботившись и прекрасно исполнив агонифетство, издержал немало денег. И когда страна (χώρα) из-за войн была незасеяна и бесплодна, он предоставил деньги для того, чтобы ее засеять и возделать. И возвратил городу независимость вместе с братом Микционом после возвращения Пирея и дал деньги для венка воинам, возвратившим вместе с Диогеном крепости. И укрепил гавани и вместе с братом Микционом исправил стены города и Пирея. И города греческие и союзников³ склонил на свою сторону...и сколько народ денег был должен...позаботился по справедливости...представив деньги и...полезный народу...вынес закон...».

Датировка надписи III в. (около 229 г.) не вызывает сомнения. Упоминаемые в ней лица Евриклид и Миксион известны и из других надписей (SIG, I², 232) и из литературных источников⁴. На этом основании А. Н. Шукарев (ЖМНП, 1888, июнь, стр. 64 сл.), С. А. Жебелев (ук. соч., стр. 25 сл.), а также Диттенбергер (SIG, I², 33, стр. 376 сл.) и Келер (СИА, II, 379) относят надпись по времени деятельности Евриклида и Микциона к периоду около 229 г. По свидетельству Плутарха (Агат., 34) и Павсания (II, 8, 6), в 229 г. афиняне вернули себе независимость, подкупив Диогена, начальника македонского гарнизона. Они дали ему за вывод войск из Пирея, Мунихия, Саламина и Сунпия 150 талантов. Очевидно, эта взятка носит в надписи скромное название «венок», на который Евриклид дает деньги. С. А. Жебелев упоминает о незасеянной хоре относитель, вслед за Шукаревым, к событиям, связанным с вторжением Арата в Атику и агрессивней Деметрия Полиоркета (ук. соч., стр. 25 сл.).

Сравнивая декрет в честь Протогена с декретом в честь Евриклида, нельзя не обратить внимания на поразительное сходство деятельности обоих «благодетелей». Конечно, каждое из постановлений имеет свои индивидуальные черты, обусловленные конкретной исторической обстановкой, в которой действовал Протоген в Ольвии и Евриклид в Афинах, но общий характер их деятельности совпадает.

1) Протоген тратит немало средств для урегулирования отношений между Ольвией и соседними племенами (дает деньги на дары, организует посольства и т. д.); Евриклида чествуют за заботу о независимости города и за расходы, понесенные им в связи с избавлением Афин от македонского гарнизона (дал деньги на венок воинам, возвратившим крепости). 2) Протоген, когда городу грозило нашествие галатов и скиров, на свой счет построил две стены в приречной части города и починил пришедшие в ветхость башни. Евриклид с братом Микционом исправил стены города и Пирея и укрепил гавани. 3) Протоген неоднократно выручал город во время недостатка хлеба, оказывая помощь и деньгами и хлебом. Евриклид

¹ «Ἀθηναίων», I, стр. 8; СИА, II, 379; SIG, I², 233 и SIG, I³, 497.

² С. А. Жебелев, Из истории Афин 229—31 гг. до р. X., СПб., 1898, стр. 25.

³ Καὶ πόλεις Ἑλληνίδας καὶ συμμάχους προσήγαγετο.

⁴ P o l y b., V, 106, 7; P a u s., II, 9, 4.

дал деньги для засева и обработки хоры, пришедшей в результате войны в запустение. 4) Конец надписи в честь Евриклида испорчен, но по отдельным сохранившимся фразам можно предположить, что, кроме перечисленных благодеяний, Евриклид проявлял заботу о государственных финансах и опять давал деньги (*πορίσας χρήματα*) на какие-то общественные нужды и «позаботился по справедливости» о каких-то долгах. Обращает на себя внимание, что и декрет в честь Протогена также заканчивается указанием на то, что Протоген по просьбе народа позаботился о кредиторах и должниках и первый (только первый, как и во всех других случаях!) простил все, что были должны ему и отцу.

Помимо сходства по содержанию, интересно указать на стилистическую и композиционную близость между обоими документами. Деловое, можно сказать, протокольное, перечисление заслуг Протогена и Евриклида характерно вообще для декретов III в. до н. э., написанных, как правило, сухим, конкретным языком, в отличие от декретов I в. и особенно декретов римского времени, язык которых чрезвычайно напыщен и риторичен, причем часто бедность содержания прикрывается пышными и витиеватыми фразами. На это обратил внимание уже В. В. Латышев (ук. соч., стр. 180). Что касается композиционного сходства между декретом в честь Протогена и декретом в честь Евриклида, то здесь можно отметить, что в общих чертах, несмотря на некоторые отступления, и там и тут выдержана определенная схема: сначала идут заслуги, связанные с внешнеполитическим положением, затем заслуги, связанные с экономическими затруднениями, дальше перечисляются произведенные строительные работы. Завершается перечень заслуг «общей частью», которая в обоих декретах безнадежно испорчена, но все же дает возможность установить, что в ней речь шла о каких-то общих мероприятиях — народ присил Протогена «позаботиться» о кредиторах и должниках, и Евриклид «сколько народ был должен»... «позаботился по справедливости».

Создается впечатление, что в обоих декретах заключительная часть отражает какие-то мероприятия, связанные с попыткой смягчить социальный кризис путем удовлетворения традиционного требования античной демократии об отмене долгов (*χρεῶν ἀποκοπή*). Если это так, то интересной аналогией может служить неудачная попытка этолийцев провести в III в. закон о сложении долгов (Polyb., XIII, 1). Полибий упрекает этолийцев в расточительной жизни, в результате которой очень многие из них впали в долги. Было решено поправить беду законодательными мерами. Этолийским стратегам Доримаху и Скопасу народное собрание поручило выработать соответствующие законы. Согласно Полибию, и Доримах и Скопас сами были обременены многочисленными долгами и потому провозгласили отмену долгов. Против этого восстал некий этолийский богач Александр, упоминаемый Полибием (XXI, 26, 14) как пример, подтверждающий скопление больших богатств в руках отдельных лиц (состояние Александра превышало двести талантов). Александр убеждает народное собрание позаботиться не только о том, чтобы избавиться от бремени долгов в настоящем, но подумать также и о будущем. Этим призывом Александр склонил этолийцев к отказу от реформы. Однако, завершает Полибий свой рассказ, в конце концов дело дошло до открытой борьбы между займодавцами и должниками.

Из этих трех примеров видно, что развитие задолженности в Ольвии не было явлением чрезвычайным. Одновременно важно отметить, что и такие факты, как привлечение частных лиц к решению вопроса о судьбе должников, являются типичной чертой эллинистической Греции. И в Ольвии и в Афинах в трудную минуту на помощь государству приходят частные лица, берущие на себя решение чисто государственных вопросов,

связанных с обороноспособностью города и упорядочением экономической жизни, путем предоставления государству крупных денежных средств.

Мы знаем также случаи, когда для оказания помощи государству привлекаются все имущие жители полиса. Уже упоминалось, что Протоген в большинстве случаев выступает только как *πρότος* среди других жертвователей. В этом отношении интересна афинская надпись, отражающая как раз такое групповое пожертвование «на спасение города и охрану страны» (SIG, I², 232). В числе жертвователей и в качестве казначея военной казны в надписи упоминается Евриклид, сын Микциона, Кефисиец, которого Келер и Диттенбергер отождествляют с Евриклидом приведенного выше почетного декрета (SIG, I², 232, стр. 376). Ф. Ф. Соколов¹ относит эту надпись ко времени после 229 г., когда афиняне освободились от македонской зависимости, но должны были готовиться к возможному нападению со стороны Антигона Досона, так как трудно было надеяться, что Македония примирится с потерей Афин и не попытается вернуть себе утраченное господство. При таком толковании времени надписи становится понятным забота *περί τῆς σωτηρίας τῆς πόλεως καὶ τῆς φυλακῆς τῆς χώρας*.² Из содержания надписи можно сделать следующий вывод: афинская государственная казна не имеет средств, необходимых для защиты страны от возможного нападения. «Для спасения города и для того, чтобы... собраны плоды с полей с безопасностью», необходимо прибегнуть к частной благотворительности.

О групповых пожертвованиях «на спасение города» упоминается и в почетном декрете в честь Аполлодора (REG, XII, 71 сл.), который участвовал в этих пожертвованиях и, кроме того, как кажется, укреплял на свой счет гавань (надпись фрагментирована). В надписи, опубликованной в CIA, IV, 2, 373, также говорится о том, что некий кидассинец «дал деньги, когда были добровольные пожертвования на охрану страны». Попытка отнести упоминание о добровольных пожертвованиях к приведенной выше надписи 229 г. отклоняется С. А. Жебелевым, так как в обоих случаях не сохранена полностью формула «на спасение города и охрану страны». Как указал С. А. Жебелев (ук. соч., стр. 68 сл.), это дает основание, учитывая точность официального языка надписей, предположить, что здесь речь идет о каких-то других пожертвованиях. Кроме того, о том, что здесь пожертвование 229 г. не носило единичного характера, свидетельствует список лиц, пожертвовавших деньги на сооружение башни (CIA, II, 982). Этот сильно фрагментированный список относится Келером и Дюмоном к хромонидовой войне. С. А. Жебелев (ук. соч., стр. 67) на основании анализа списка архонтов датирует надпись 220—219 гг. до н. э.

Обращение к частной благотворительности не было только специфическим афинским явлением. Ряд надписей подтверждает, что аналогичные явления в это время можно было наблюдать во всех полисах греческого мира. Для сопоставления особенно интересна надпись из города Аркесины с острова Аморга, датируемая концом IV в. до н. э. (SIG, I²,

¹ ЖМНП, 1879, ноябрь, стр. 404 сл.

² А. Н. Щукарев, полемизируя с Ф. Ф. Соколовым, пытается отнести надпись к эпохе Дмитриевой войны, т. е. к 234—229 гг. до н. э. (ЖМНП, 1888, июнь, стр. 64 сл.). С. А. Жебелев в тщательном анализе имен, сохранившихся в списке жертвователей, и сопоставлением времени года, указанного в надписи (месяц элафеболон), со временем, соответствующим событиям 228 г., опровергает выводы Щукарева и подкрепляет предположение Ф. Ф. Соколова о времени надписи (ук. соч., стр. 22). В этой же работе С. А. Жебелев устанавливает несостоятельность мнения Лоллига (DA, 1892, 48), отнесшего надпись ко времени после 225 г. В надписи упоминается философ Ликон — перипатетик, который умер в 226 г., следовательно, никак не мог быть жертвователем в 225 г. Во всяком случае датировка надписи III в. не вызывает никаких сомнений.

112). Вне зависимости от того, кем является чествуемый Андратион Афинянин, надпись также представляет собой интересную аналогию к декрету в честь Протогена, так как здесь мы в более лаконичной форме встречаем перечисление почти тех же услуг, что и оказанные Ольвии Протогеном.

1) Так же как и Протоген, который, приняв на себя общественное управление и должность казначея, «управлял честно и справедливо», Андратион управлял городом милостиво, не обижая ни граждан, ни прибывших в город иностранцев. 2) Два раза в декрете упоминается о том, что чествуемый давал деньги «для пользы города» без процентов. Такую же услугу неоднократно оказывал Ольвии Протоген. 3) Андратион из личных средств уплатил жалование гарнизону. Эту услугу, быть может, можно сопоставить с расходами Протогена на удовлетворение скиптроносцев, так как не исключена возможность, что иногда они использовались Ольвией именно как военная сила, за что и получали определенные «дары». 4) Кроме того, Андратион сократил издержки города на 12 мин в сравнении с предыдущим годом. Эта фраза почетного декрета говорит о каком-то урегулировании финансовых дел Аркесины, проведенном Андратионом. И в этом случае его деятельность также напоминает деятельность Протогена в качестве казначея государственной казны.

Интересна для сопоставления и надпись из Эритра, предположительно датированная III в. до н. э. (SIG, 376). Здесь, как и в декрете Протогена, мы сталкиваемся с использованием частных средств для решения государственных вопросов, причем также подчеркивается беспроцентность ссуды (*χρηματῶν τε ἐστίν[ε] ἄτοχα*).

Такие же явления наблюдаем мы в городах на западном побережье Понта Евксинского. Так, декрет из Истрии в честь Аристокора, сына Апатура¹, представляет собой прямую аналогию декрету в честь Протогена. Как и Протоген в Ольвии, чествуемый Аристокор строит за свой счет стены города в период нападения бастарнов; дает деньги для выкупа граждан, попавших в плен, и совершает несколько посольств к «варварам», очевидно, для урегулирования отношений между ними и Истрией. Заслуги такого же характера перечисляются в херсонесской надписи III в., сделанной на пьедестале статуи некоего Агасикла, сына Ктиссия. В надписи, наряду с другими заслугами, отмечается, что чествуемый «был стеностроителем» (*τειχοποισχυτός*).

Эпиграфические тексты I—II вв. н. э. дают основание утверждать, что обращение к частной благотворительности, типичное для эллинистического мира в III в. до н. э., остается явлением весьма распространенным и в первые века нашей эры. Очевидно, причины, вызвавшие это явление, были органически связаны с судьбою греческого полиса вообще.

Для характеристики состояния государственной казны греческого полиса в III в. интересно сопоставить инцидент, происшедший в Ольвии, с закладом архонтами священных сосудов у чужестранца Полихарма, которые удалось выкупить только после вмешательства Протогена, и аналогичный случай, известный нам из одной беотийской надписи III в. до н. э. (IG, VII, 3172). Содержание надписи таково: некая феспиянка Никарета ссудила на год орхоменскому государству сумму в 17585 $\frac{1}{3}$ драхмы. Не получив своевременно денег, Никарета прибегает к крайней мере, которая обычно применялась по отношению к несостоятельному должнику. Только когда полемарх и казначей переводят долг на себя, т. е., подобно Протогену², превращают государственный долг в частное

¹ SIG³, 708. Надпись датируется второй половиной II в. до н. э.

² По подсчетам Латышева, Протоген истратил на нужды государства на протяжении всей своей деятельности 300 тысяч драхм.

долговое обязательство, Никарета успокаивается. Интересно, что в обоих этих случаях очень ясно выступает бедность государства, с одной стороны, и наличие в нем людей, располагающих большим состоянием, — с другой.

Весь эллинский мир в III в. переживал кризис. Полис как государственная форма, сложившаяся в период становления и расцвета рабовладельческого строя, должен был уступить ведущую роль эллинистической монархии. Все приведенные нами документы бесспорно свидетельствуют о разложении полисной государственной системы. В новой обстановке полис не мог сохранить ни автаркию, ни элевтерию, на решающее значение которых для существования греческого государства указывал Платон в «Государстве» и «Законах». Кризис полиса, в частности, определялся растущим имущественным неравенством. Платон в «Государстве» прямо говорит о том, что каждый греческий город-государство раскололся на два враждующих города: город бедных и город богатых (Plato, Respubl., IV, 422—423a), имущественное неравенство приводит к утрате *ισονομία*, гарантировавшей всем гражданам полиса участие в управлении государством. Демократическая форма правления сменяется почти повсеместно олигархической¹. Государственные правовые институты, выработанные на протяжении всей жизни полиса, сохраняясь формально, утрачивают свое прежнее значение. Фактически власть сосредоточивается в руках немногих влиятельных лиц². Новые хозяева города, по большей части крупные торговцы, не видели практического смысла в отстаивании и сохранении полисной системы. Интересы торговли влекли их за рамки своего города. Они больше заботились о создании благоприятных условий для коммерческих операций, чем о политической независимости.

В этой связи интересно напомнить о том, как характеризует Полибий (V, 106, 6—8) деятельность Евриклида и Микциона в 20-х гг. Под их руководством Афины, по словам Полибия, рассыпались в любезностях перед эллинистическими царями, особенно перед Птолеями, отказавшись от всякого участия в общеэллинских делах. Если мы, с этой точки зрения, посмотрим на декрет в честь Протогена, мы увидим в нем документ, рисующий кризис полиса, как государственной организации, не отвечающей больше требованиям времени. Деятельность Протогена в Ольвии, Евриклида и Микциона в Афинах, Андратиона в Аркесине, Фанеса, сына Мнеситова, в Эритрах, Аристокора в Истрии и многих других «благодетелей» является яркой иллюстрацией распада полисной государственной организации и постепенного сосредоточивания государственных функций в руках лиц, сильных своим экономическим положением. Пуста государственная казна, но в немногих руках концентрируются большие богатства.

В то же время идет процесс разорения и постепенного исчезновения средних групп рабовладельцев. Именно эта опора полисной государственной организации особенно пострадала в тревожные времена, переживаемые эллинистической Грецией. Она не смогла извлечь тех выгод, которые создавало широкое развитие международных деловых связей. В нашем распоряжении имеются такие факты, как, например, состояние Спарты в III в. до н. э. Движение Агиса и Клеомена, идущее под лозунгом отмены долгов (*χρεῶν ἀποκοπή*) и передела земли (*γῆς ἀναδάσμος*), находит отклик не только во всем Пелопоннесе, но и за его пределами. Совершенно очевидно, что в III в. главное проявление общего кризиса полиса выливает-

¹ С. А. Жебелев в «Херсонесской присяге» говорит: «в некоторых греческих государствах, начиная с конца IV в. и в течение всего III в., наблюдается любопытное явление. Оно может быть охарактеризовано, как своего рода тяга к тирании» (ИАН ООИ, 1935, стр. 921).

² Т. В. Блаватская, Внутреннее устройство западнопонтийских городов, ВДИ, 1949, № 3, стр. 45.

ся в форму острых социальных потрясений. Очевидно, и Ольвия не избежала общей участи. Декрет Протогена говорит не только о попытке мирным путем урегулировать конфликт между должниками и заимодавцами. Грозным симптомом надвигающихся социальных бурь является угроза отпадения микс-эллинов и рабов в момент внешней опасности. Следы каких-то внутренних потрясений сохранились также в известном фрагменте почетного декрета в честь некоего Καλλ...¹

По всем признакам Ольвия времен Протогена разделяла общую судьбу греческого полиса в эллинистическую эпоху. Подчеркнуть это обстоятельство, до сих пор оставшееся в тени, представляется весьма важным в принципиальном отношении.

¹ IOSPE, I², 31; ср. Э. Штерц, Новый эпиграфический материал, найденный на юге России, Одесса, 1900.

В. О. Тюрин

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ KUR-TAŠ ПО ДОКУМЕНТАМ ИЗ «СОКРОВИЩНИЦЫ» ПЕРСЕПОЛЯ*

В 1936—1938 гг. при археологических раскопках в юго-восточной части террасы Персеполя была найдена серия документов, названных «табличками сокровищницы»¹ в отличие от ранее найденных там же «табличек крепостной стены»². В книге Кэмерона опубликовано 114 из общего числа 753 найденных там табличек и фрагментов, в том числе 77 целых или почти целых, 22 частично попорченных и 15 серьезно попорченных текстов³.

Следует особо отметить, что «сокровищница» была казначейством не всей империи Кира, а только собственно Персии, что следует уже из наименования казны в большинстве текстов как карнуški — baršá — «казна Парсы»⁴, или карнуški — sunki-na «казна царя». По времени составления документы относятся к первой половине V в. до н. э.

* Печатается в порядке обсуждения проблемы истории производителей материальных благ в древнем мире. Публикуемая статья ставит весьма важные вопросы истории производителей материальных благ в древней Персии. Однако редакция считает нужным отметить, что разрешение этих вопросов в настоящей работе еще только намечено и многие положения автора нуждаются в дополнительных доказательствах.— *Ред.*

¹ G. G. Cameron, Persepolis treasury tablets, The University of Chicago (Oriental Institute Publications, LXV), 1948.

² Последний год «табличек крепостной стены» — 494 до н. э., первый год «табличек сокровищницы» — 492.

³ Почти все таблички даются в автографии посредством нескольких фотокопий каждой. Тексты даны в параллельной транслитерации, причем Кэмерон придерживается традиции Вейсбаха передавать каждый клинописный знак его более или менее известным звуковым эквивалентом. Транслитерация каждого документа сопровождается переводом, к которому примыкают: краткое изложение содержания документа, примечания транслитерационного, филологического и справочно-исторического порядка, указатель имен упоминаемых в документе лиц, даты (за небольшими исключениями, это всегда дата составления самого документа) и тип печати.

⁴ Parsa, элам. baršá, как явствует из публикуемых документов, было туземным названием не только Персии, но и самого Персеполя. Греческое наименование Персеполя в форме Parsa встречается у Бероса (Ptolem.). Карнуški, как кажется, имеет 2 значения: «казна (сокровищница)» и «хозяйство». В табличках №№ 40 и 64, относящихся к одной и той же партии свыше 100 работников, последние обозначаются как — kur-taš karnuški — ka-me-nu-iš (вар. № 64: — qa-a-ma-nu-iš). Они получают плату карнуški — baršá-na-ma-maг «из казны Парсы». Либо это работники персепольской казны, работающие в Камениш (нын. Гойюм, по отождествлению Кэмерона), либо, как можно дословно понять, «работники сокровищницы»